

ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. МИХАЙЛЕНКО

В.И. МИХАЙЛЕНКО

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

Центральными вопросами модернизации или инновационного обновления структур любого государства являются соотношение его места в цивилизационном процессе, выборы стратегии и тактики, методов и средств достижения целей, определение взаимоотношений с другими акторами международных отношений. Зачастую формулирование целей, стратегии и тактики их достижения зависят не от рационально обоснованной задачи и «здорового смысла» (в виде *realpolitik*), а от *стиля мышления* политической власти и/или правящей элиты, на формирование которого влияют традиции, верования, мифы, амбиции, интересы.

Вышесказанное усложняет использование исследователем методологического инструментария при оценке государственной политики в области международных отношений. По-существу, речь идет об изучении разнородных факторов, действие которых, если использовать синергетический подход, создает эффект в точках пересечения и наложения векторов (бифуркации).

Международно-правовой инструментарий перестал быть достаточным для исследования современной системы международных отношений. Прежде всего, этого связано с особенностями эволюции самой системы международных отношений. В научный оборот введено понятие «поствестфальский мир», суть которого сводится к тому, что, во-первых, суверенные государства перестали быть основными акторами системы международных отношений, а, во-вторых, сама система регулируется не только международно-правовыми механизмами. Что касается первого утверждения, то даже самый критический оппонент не может не отметить появление новых акторов международных отношений, чье влияние на мировые процессы может быть как дискретным, так и системообразующим (например, «феномен Бен Ладена»). Точно также можно говорить об усиливающемся влиянии такого фактора международных отношений как информационные технологии и производные от них информационные сети. Относительно второго можно сослаться на попытки современного мирового гегемона (США) подменить международно-правовую практику и обязательства размытыми этическими критериями и новыми нормами международной этики и поведения. Независимо от того, принимается или отрицается понятие «поствестфальского мира», можно обоснованно констатировать переход современной системы МО и методов ее исследования от «классики» к «постклассике» и «неклассике».

Отечественные исследования международных отношений. обстоятельный обзор современного состояния российской науки международных отношений дан в книге коллектива авторов под редакцией А.П. Цыганкова и П.А. Цыганкова¹. В работе показано современное состояние российских исследований международных отношений. Историографический анализ авторитетного научного коллектива подтверждает эмпирическое ощущение того, что отечественная наука международных отношений находится на стадии освоения зарубежного политологического, и, в меньшей мере, социологического опыта. Даже популярные на уровне государственной элиты разные геополитические формы анализа международных отношений являются по существу перепевом популярных, а ныне маргинальных европейских научных идей первой половины XX в.

Авторы книги ставят следующие вопросы: «Почему одной из наиболее популярных ветвей российской ТМО стала геополитика? Каковы перспективы евразийских исследований? По какому пути стоит идти становящейся дисциплине ТМО — западному, восточному, «почвенническому», — или же удастся найти собственную дорогу, создать свою национальную школу, которая впитывала бы все лучшее из мировой науки в целом и из других национальных школ и одновременно вносила бы свой незаменимый вклад в развитие мировой теории международных отношений? Как преодолеть излишнюю политизированность российской науки МО и дискуссий, происходящих в ее рамках? Возможно ли появление более-менее четко артикулированных отечественных научных школ?» задаются вопросом «почему одной из наиболее популярных ветвей российской ТМО стала геополитика?»²

Авторы книги правы, когда пишут о *западно-центричной ориентации науки о международных отношениях*. «Как отмечают многие ученые, ТМО все еще слишком часто отражает политические, идеологические и эпистемологические предубеждения западной, в частности американской, цивилизации. В итоге такого восприятия внешнего мира западная ТМО — как и западная социальная наука в целом — нередко воспринимается не иначе, как изоцированная идеология и набор концептуальных инструментов, используемых в качестве средств для оправдания глобальной гегемонии Запада. Не секрет, что в различных регионах планеты западно-центричные проекты мирового порядка часто воспринимаются как неспособные установить справедливую и стабильную международную систему из-за их исключительно прозападных ориентаций и недостатка чуткого понимания других культур»³.

Вместе с тем, странным образом авторы книги ассоциируют теорию МО и политические проекты мирового порядка, практически рассматривая теорию МО в качестве идеологии. «Российское академическое и экспертное сообщество отказалось от «советского марксизма», но еще не пришло к постсоветской «Большой идее». Ответом на упадок «советского марксизма» стала

¹ Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М., 2005.

² Там же. С.14.

³ Российская наука международных отношений: новые направления. С. 22.

плюрализация российских международно-политических исследований, что выразилось в росте многообразия взглядов при отсутствии каких-то общих подходов к накоплению и дальнейшему развитию научного знания. В отсутствие таких подходов российская наука МО может быть описана в терминах соперничества между двумя другими ключевыми тенденциями — *вестернизацией* и *изоляционизмом*, — каждая из которых представляет собой своеобразную реакцию на вышеуказанный общеидеологический и общетеоретический вакуум⁴. Если первое, т.е. *общеидеологические* основания государственной политики, является объективным отражением стремления политической элиты выработать некие общие основания государственной идеологии. То ссылки на *общетеоретический вакуум* ставят в тупик. Создается впечатление, что авторы предлагают вернуться к политическому и идеологическому регулированию интеллектуального процесса. «Идеологическая и теоретическая неопределенность отечественной науки МО в значительной мере связана с нерешенными вопросами российской национальной идентичности. Пока Россия не определится, чем она является, пока она не достигнет ясности относительно своих постсоветских ценностей и международных ориентации, отечественная наука МО не может не оставаться сферой идеологического соперничества»⁵.

Действительно, современная российская наука о МО, как и другие сферы научного знания, как и значительная часть общества озабочены поисками политического и идеологического «*майнстрим*» для России. А что должно далее случиться с наукой о МО, когда поиски «*большой идеи*» успешно завершатся? «Конец истории» для теории МО в виде завершения ее «теоретической неопределенности»?

На самом деле авторы книги не страдают болезнью изоляционизма и призывают к диалогу с западными и другими научными школами, но понимают диалог наук и ученых довольно специфическим образом. Пока новая российская парадигма находится в процессе своего формирования, отмечается в книге, «российская наука МО может использовать помощь внешнего мира, при условии, что «помощники» будут свободны от претензий на универсализм своих знаний»⁶. А что далее? И кто ранжирует этих добровольных «помощников»? Если следовать за А.П. Цыганковым и П.А. Цыганковым, то набор «национальных интеллектуальных традиций» включает «классовый политико-экономический анализ, геополитику, культурно-исторические теории и религиозно-философское мышление». «Переосмысленные в соответствующем эпохе глобализации духе открытости эти интеллектуальные традиции должны стать опорой российских международных исследований»⁷.

Более приемлемыми представляются выводы А.А. Сергунина о том, что «российский внешнеполитический дискурс будет напоминать скорее полифонию», а консенсус между различными научными школами будет дос-

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.38.

⁷ Там же. С.45.

тигнут на принципах политического реализма, выстраиваемых как «приоритет национальных интересов, активной внешней политики, а также внутренних реформ и обеспечения безопасности»⁸.

Философия международных отношений в контексте поиска национальной идентичности и/или общетеоретических оснований для обновения научного знания? В начале 2004 г. публикацией Э. Баталова в журнале «Международные процессы» была начата дискуссия относительно новой научной дисциплины – *философии международных отношений*, открывающей новые измерения феномена международных отношений⁹. Становление такой дисциплины Э. Баталов рассматривает как естественную кумуляцию и системное оформление знаний, накапливавшихся веками. В отличие от социологии, которая занимается *исключительно человеческим обществом и ничем другим*, философия, сохраняя предметную ограниченность, вправе заниматься исследованием *любого объекта* – человека, природы, общества в целом или какой-то его части, языка, искусства, в том числе, естественно, и политики. Э. Баталов отмечает, что вопросы международных отношений занимают в философии политики периферийное положение, поскольку последняя больше занимается проблемами политического бытия как такового, политической антропологии, политической праксиологии (теории политического действия), политической эпистемологии¹⁰. Автор статьи считает, что предметом философии МО должны стать дискуссии о новом мировом порядке, о международном партнерстве и что следует понимать под «мировым порядком» и под «партнерством» как таковыми. «Исследование этих категорий (как и многих других) – прямая задача философии международных отношений. И вызвана она прежде всего необходимостью осмысления и переосмысления происходящих в мире фундаментальных изменений и нахождения новых ответов на вопросы, которые еще каких-нибудь десять или пятнадцать лет назад казались решенными»¹¹.

Таким образом, в новой ситуации встает ряд фундаментальных вопросов, поиск ответов на которые требует нетрадиционного, а именно *философского подхода* – вопросов абстрактно-теоретических (фиксирующих онтологическое, этическое и другие измерения международных отношений), но – как это нередко случается в области теории – открывающих в конечном счете путь к решению практических задач.

По мнению Э. Баталова, философского осмысления требуют вопросы о *сущности международных отношений*. *Международные отношения* могут рассматриваться как внешняя проекция *внутри-народных отношений*, как дополнение и компенсация их недостаточности или даже ущербности. Развитие международных отношений, их постепенное превращение в мировые (миросистемные) отношения есть результат ослабления самодостаточности

⁸ Там же. С.119.

⁹ Баталов Э. Предмет философии международных отношений // Международные процессы. 2004. № 1.

¹⁰ Там же. С.6.

¹¹ Там же. С. 7.

наций-государств, их постепенного превращения из относительно автономного целого в часть более широкого целого, во взаимозависимые (коррелятивная связь) элементы расширяющейся системы¹². В плане управленческом международные отношения могут рассматриваться как *механизм регуляции миросистемной жизни* – регуляции политической (*governing*) и административной (*managing*). Международные отношения могут рассматриваться и как способ *самоутверждения их субъекта* в собственных глазах и в глазах членов мирового (международного) сообщества как полноценных и полноправных акторов мировой политической сцены.

Другая группа вопросов, которые могла бы рассматривать философия МО, касается *природы* международных отношений. Эти отношения имеют как *материальное, так и идеальное измерения*, причем каждое из них играет существенную роль. Но как соотносятся друг с другом материальный и идеальный факторы международных отношений? Еще один вопрос философского плана – *природа законов, регулирующих международные отношения*. Чем определяются устойчивые, повторяющиеся связи, регулирующие отношения субъектов международных отношений? Как они изменяются? Каковы пределы их регулирующей силы? Какова мера свободы субъекта, принимающего решения? Что такое «политическая воля» в философском понимании? Как она «уживается» с детерминированностью международных отношений объективными законами?

Или взять *когнитивный аспект* философского подхода к международным отношениям. Каковы принципы и методы познания явлений международной жизни?

Философия МО может заниматься изучением *этической и эстетической* сторон МО. К философским вопросам Э. Баталов относит тематику *целей и средств* в международных отношениях¹³. К первостепенным задачам, решаемым для утверждения новой дисциплины, Э. Баталов относит во-первых, разработку *истории философии международных отношений*. Во-вторых, определение *теоретико-методологических оснований* новой дисциплины. В-третьих, формирование собственного *категориального аппарата*. Последние должны раскрывать «*сущность, основные закономерности международных отношений в их философском срезе*»¹⁴.

Статья Э. Баталова о важности философской культуры международного и необходимости создания философского основания для исследования международных отношений была с пониманием воспринята научной общественностью. Ее следствием стало написание Э. Баталовым первого учебного пособия по философии международных отношений, в русле поднятых вопросов была продолжена дискуссия на страницах журнала «Международные процессы».

При кажущейся понятности постановки вопроса о предметной философии статья Э. Баталова оставляет впечатление некоей недосказанности,

¹² Там же. С.9.

¹³ Там же. С. 10-11.

¹⁴ Там же. С.13.

прежде всего, в отсутствии разговора относительно современного состояния философской науки. Создается впечатление, что автор предполагает некие *общие* философские основания, на которых будут формироваться частные методология и методика исследования международных отношений.

На наш взгляд, основное значение обращения международника к философии заключается в постоянном обосновании собственного мировоззренческого основания, в формировании научной позиции по отношению к объекту исследования, в выборе научного инструментария исследования. Наличие философской культуры позволяет исследователю быть «современным» не в смысле выбора «модных» методик или технологий, а в способности теоретически обосновать свою научную позицию в диалоге или сопоставлении научных позиций.

После расставания с марксизмом как единственной научной философией в российском научном сообществе с новой силой развернулась дискуссия о том, является ли философия наукой. (Вряд ли кто-нибудь будет сегодня оспаривать вывод о том, что есть целые области философствования, которые вряд ли могут быть соотнесены с научным знанием). А если и является наукой, то не исчерпала ли она себя? В любом случае вопрос о «конце философии» является серьезной научной проблемой.

В любом случае важно понять ту дистанцию, которая отличает философию нового времени от современной. В классическую эпоху история всегда была анализом предельных оснований познания, деятельности и оценки. Как справедливо отмечает В.А. Лекторский, предельные основания не просто описывались, их выявление и описание всегда сопровождалось рекомендациями по изменению, трансформации налично-сущего эмпирического состояния. Это всегда был сплав исследования и проектирования, построения определенного идеала знания, моральной жизни, политического устройства. В свете построения идеала формулировались нормы деятельности, направленной на его достижение¹⁵.

Классика всегда стремилась построить окончательные и абсолютно истинные системы философского знания. Сохранила ли современная философия не только критическую рефлексию, но и практический потенциал? В.А. Лекторский демонстрирует оптимизм в оценке практического потенциала современной философии. Более того, он считает, что многие другие науки о человеке и обществе *философизуются*. Тем не менее, по сравнению даже с недавним прошлым философия менее всего занимается поисками *всеобщего основания, вечных истин*.

Современная философия все больше специализируется. Философ осознает, что его построения не могут претендовать на абсолютность, даже, в случае реализации они имеют гипотетический характер. Между разумом и бытием есть посредник – это виды деятельности и языки культуры. Невозможность строить всеобъемлющие системы не означает, что современная

¹⁵ Философия в современной культуре: новые перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 4.

философия утратила систематический характер. При всей своей специализированности она остается способом интеграции разных форм культуры, способом коммуникации между далеко разошедшимися видами культуртворчества. Философия выявляет универсалии культуры, выясняет их смыслы, выносит их на суд разума, критически анализирует и порождает их новые смыслы. Процесс философского осмысления осуществляется через использование понятийного аппарата. *Понятия* позволяют сконструировать соответствующие теоретические идеальные объекты. Категории философии являются особыми теоретическими *конструкциями*. Используя философский инструментальный познания, генерируются новые мировоззренческие смыслы и тем самым осуществляется подготовка кардинальных изменений социальной жизни¹⁶. Другое дело, что при всех попытках системного синтеза, они не могут претендовать на всеобъемлемость и всегда осознают свою гипотетичность. Для неклассического подхода философия не кончается ни на каком этапе, пока продолжается развитие общества и его история¹⁷.

Нет никаких оснований выдавать какое-либо из модных современных философских течений за единственную современную философию. Можно сформулировать следующие вопросы: Какова природа и функция философского знания о международных отношениях? Философия как мировоззрение или наряду с этой функцией обладает прикладной функцией познания, прогнозирования и построения? Как философский плюрализм может отражаться на выработке *общих* подходов, критериев, понятий науки международных отношений? Как могут соотноситься концепты, выстроенные на разных философских основаниях? Могут ли быть единые основания? И на каких принципах? С какой целью?

Попытаемся ответить на эти вопросы. Философия нужна, чтобы отыскать новые основы человеческой деятельности. Формирование системы мировоззренческих универсалий, в которых есть несколько уровней смыслов, оформленных в виде конкретных программ. Через посредство этих конкретных программ, которые закрепляются и транслируются в культуре в виде разнообразных семиотических систем, универсалии определяют тот или иной тип социальных связей образ жизни, типы личности, отношение человека к природе, особенности человеческих коммуникаций¹⁸.

Среди базисных ценностей современной цивилизации, транслируемых в современные международные отношения, могут оказаться, например, такие как *устойчивое развитие*. Например, В.С. Степин полагает, что устойчивое развитие не является простой пролонгацией *базисных ценностей* современной техногенной цивилизации. Философ вполне может допустить и иной сценарий, который связан с изменением базисных ценностей развивающейся цивилизации. Тем более, что, по оценке В.С. Степина, «прежний порядок сменился динамическим хаосом, из которого может возникнуть какой-то новый порядок (новый тип организации социальной жизни)... Из хао-

¹⁶ Там же. С. 9

¹⁷ Там же. С. 6; 11.

¹⁸ Там же. С. 8.

са должен возникнуть новый порядок, а каким он будет, во многом зависит от того, какую систему новых ценностей сформирует культура»¹⁹. В этом случае философия может критически осмысливать ценности современной культуры и вырабатывать *новые мировоззренческие* идеи. Подобный анализ необходим по отношению к политическому, правовому сознанию и другим сферам общественной деятельности²⁰. В отличие от других наук философия создает некое *смысловое пространство*, в котором ведется вневременной диалог как по вертикали, то есть с теми, кто творил даже много веков назад, так и по горизонтали, то есть с современниками. В этом смысле философия как бы находится вне времени и вне пространства²¹.

Еще одной задачей, выполняемой философией, отмечает В.В. Мионов, является *обмен смыслами* в рамках диалога. Особенность нашего времени заключается в том, что современное коммуникативное пространство погружает культуру внутрь себя. Раньше это пространство было между культурами, сегодня это пространство накрыло всю культуру. Данное пространство по сути *глобально*, и оно возникло вне конкретной *локальной* культуры. Следовательно, не отдельные культуры (как в рамках диалога между классическими локальными образованиями) навязывают условия коммуникации между собой, а само коммуникативное пространство диктует условия диалога, условия всемирного культурного диалога. *Коммуникация* подчиняет себе культуру. Возникает *собственный единый язык* общения. Современная культура характеризуется нарушением пропорции между высокой и низовой (массовой, поп-культурой) ее частями²². Современное состояние наук характеризуется их «собираением» на новом гносеологическом поле: через стирание междисциплинарных границ и интеграцию социально-гуманитарного знания²³.

Таким образом, можно констатировать объединяющую и разъединяющую роль философии и выработке предметного поля и методологии частных наук. Можно вполне уверенно прогнозировать подобное долговременное поведение философского научного знания.

Становлению курса философии международных отношений («философизации» одного из современных социально-гуманитарных знаний), должна предшествовать «социализация» философии. Но как правильно реализовать эту задачу, если по оценке многих философов сегодня нет такой эталонной философской дисциплины, вокруг которой можно строить разговор о парадигме? В.Е. Кемеров предполагает, что способы интеграции общественности не обязательно задаются образцовой дисциплиной. «У разных парадигм могут быть разные формы интеграции, они задают разные качества общественности вплоть до методологии и предмета исследования отдельной дисциплины».

¹⁹ Там же. С. 13-14.

²⁰ Там же. С. 13.

²¹ Там же. С. 19.

²² Там же. С. 19-20.

²³ Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 3

плины. Это не просто вопрос о взаимоотношениях *между* дисциплинами, это вопрос об определенных методах, которые доминируют в дисциплинах, и о тех предметах, которые «вырезаются» из социальности для того, чтобы стать предметом каждой отдельной дисциплины»²⁴. В нашем случае такой «вырезкой» из социальности могут стать *международные отношения*.

Теперь обратимся к теме формирования *парадигмы международных отношений*. В.Е. Кемеров выделяет три типа парадигм, которые он, по существу, рассматривает под углом эволюции социально-гуманитарного знания: *философская, научная и проблемная* парадигмы²⁵. Первая ступень – классическая, связанная со стандартами, задаваемыми классической философией. Эта парадигма опирается на логику абстрактно-общих схематизмов. Она утрачивает свой авторитет и свой смысл к середине XIX в.

На *второй* ступени философия уже не объединяет в своих общих представлениях о мире, то есть ни мировоззренческой, ни методологической роли в интеграции и взаимоопределении социально-гуманитарных дисциплин она уже не играет. На быденном языке это означает, что мы занимаемся тем, чем вы не занимаетесь. На этой стадии интеграция лишь декларируется. Предмет дисциплины диктуется методом. При этом методы находятся в соотношении взаимной дополнительности. Методология «раздваивается» на объяснение и понимание, на теорию и описание, на обобщение и конкретизацию, на редукционизм и антиредукционизм. В рамках социальных наук доминировала методология редукционизма, а гуманитарное познание занималось поиском подходов, обеспечивающих знание о конкретном, индивидуальном, самобытном, вплоть до отрицания традиционной научной методологии. Эта ситуация противостояния социальных наук и гуманитарного познания продолжается до середины 60-х гг. XX в.

Признаками изменений на *третьей* ступени В.Е. Кемеров считает возникновение новой ситуации, когда науки, которые прежде враждовали или дистанцировались, как науки социальные и гуманитарные, вступили в новые отношения. Формируется новая парадигма обществензнания, где дисциплины зависят теперь не столько от своих предметов и методов, сколько от проблематики жизни и деятельности людей, выходящей за рамки частных научных интересов. Предметность отдельных социально-гуманитарных наук в значительной степени диктуется не столько их специализированными предметами, сколько теми проблемами, которые возникают в структурах и конфликтах повседневности.

Как следствие современных процессов меняются *формы интеграции наук*. Сама форма взаимодействия между дисциплинами определяется не их предметно методологическим разделением, а их связью в проблематике бытия людей. В связи с этим меняется проблема доминирующей методологии. В.Е. Кемеров полагает, что в любом случае это будет методология *антиредукционистского* типа из арсенала неклассической и постнеклассической фи-

²⁴ Там же. С. 5.

²⁵ Там же.

лософии. Философия выполняет роль переводчика с языка повседневности на язык отдельных социально-гуманитарных дисциплин и с языка этих дисциплин на язык повседневности. Формируется новая научная предметность; в ее фокусе не только частные научные интересы, но и проблемы, занимающие людей в их повседневной жизни. Соответственно этим предметам корректируется методология. К примеру *антиредукционистская методология*²⁶ – это методология исследования конкретного, индивидуального, особенного, единичного, практикующая соответствующую логику (или логики). Это методология, не отрицающая общее, но отдающая предпочтение конкретно-общему перед абстрактно-общим, содержательно-общему перед объемно-общим. Это – тип логики, который дает возможность рассматривать целостности, системности, конкретности социальные, включая человека, как некие динамичные бытийные образования, несводимые ни к экономическим процессам, ни к абстракциям классической логики. Здесь формируется методология, которая требует от субъекта познания уже совершенно другой работы, другой компетенции, другой ответственности. В науку возвращаются ценностные и метафизические допущения, изгнанные из нее позитивизмом²⁷.

Как пишет В.С. Швырев, современное рациональное сознание не отбрасывает классическую философию, а лишь указывает на ее границы²⁸. Если классическая рациональность отправлялась от представления о возможности прямого схватывания своего объекта, движения по контуру объекта и т.д., то неклассическая рациональность выступает как своего рода метарациональность, делающая предметом критической рефлексии имеющиеся средства и возможности рационализации²⁹. В.Е. Кемеров рассматривает *теорию* как некий достаточно устойчивый промежуточный продукт нашей деятельности, полученный в динамике познания и методологического анализа. Для того, чтобы получить теорию, необходимо свести разные подходы к некоему инварианту. Поэтому теория сохраняется, но она сохраняется как некая модель и как своего рода *мировоззренческий и методологический регулятив*. Для того, чтобы соединять разные позиции, разные подходы на какой-то промежуток времени, на каком-то этапе познания. Но если мы слишком заикливаемся на этом, то начинаем представлять теорию как замкнутую систему, а то и онтологизируем ее, отождествляем с самим объектом³⁰.

Итак, философия необходима специалисту-международнику как мировоззренческий фундамент. Сформированное под влиянием философии *открытое* сознание должно быть готово к *перманентному* диалогу. Подобного рода *диалогическая рациональность* предполагает не просто констатацию гетерогенности познавательных позиций, она носит *проектно-конструктивный характер* и представляет собой форму определенным обра-

²⁶ В.Е. Кемеров не заикливается только на антиредукционизме, и говорит о «большом методологическом стиле». – Там же. С. 10.

²⁷ Там же. С. 6-8.

²⁸ Там же. С. 30.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 9.

зом программируемого социального рационального действия. Условием рациональности становится показатель конструктивной работы в пространстве коммуникации различных познавательных позиций³¹. Естественным основанием открытого сознания и мировоззрения, основанного на перманентном диалоге, являются свобода и связанный с ней риск ответственности. Таким образом, эпистемология, философия познания, философия науки оказываются органически связанными с философско-мировоззренческой и философско-антропологической проблематикой³².

Социологизация философии органически связана с переходом эпистемологии с позиций констатирующего сознания, фиксирующего как обстоит дело в изучаемом им предмете, на позиции *проектно-конструктивного сознания*, активно вмешивающегося в свой предмет. В.С. Швырев отмечает, что в этой ситуации преодолевается характерное для классики противопоставление рациональности познания и рациональности социального действия, поскольку первая реализуется в контексте второй, становится по существу ее частной формой³³.

Одной из основных функций философии всегда было осмысление повседневного бытия, его смысла, интегрирование знания. В этом плане классическая философия всегда стремилась построить окончательные и абсолютно истинные системы философского знания. Оставим за скобками вопрос о том, что в XX веке за философскими конструктами зачастую скрывались мифологические построения, выполнявшие функции идеологии. Е.Л. Черткова определяет мифотворчество как «вид духовной деятельности по созданию, распространению и поддержанию политических иллюзий, умышленно продуцируемых правящей элитой для манипулирования массами»³⁴. Искоренить мифологию нельзя, но можно осуществить ее критический анализ. По мнению Е.Л. Чертковой *критически-рефлексивная функция* философии снова выдвигается на первый план. Основная и единственная антитеза мифу – культивирование самосознания, критический подход к себе самому и к окружающему миру, постижение смысла реальности. Одна из задач философии и гуманитарных наук состоит в критике мифа, осмыслении реальности и места самого мифа в этой реальности³⁵.

Социально-гуманитарные науки зачастую разрабатывают понятия и логические схемы, которые в дальнейшем заимствуются для философской проработки. По мнению И.Т. Касавина философия сегодня не занимает какого-то особого места в междисциплинарном взаимодействии, а ее междисциплинарная функция состоит в представлении проблемы как итога многообразных детерминаций, в контекстуализации проблемы, благодаря чему она предстает в качестве панорамы³⁶.

³¹ Там же. С. 31.

³² Там же. С. 32

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 37.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 11.

Рассуждая о междисциплинарных связях, важно определить основания отношений. По мнению Т.Х. Керимова «интеграция рассматривается не в качестве единства различия, а как связь между различиями»³⁷. «Гуманитарная наука создает систему понятий, через которую мы смотрим на мир и которая определяет наше поведение, функционирование в этом мире и, собственно создает этот мир» (В.Ф. Петренко)³⁸. Сегодня не столько методология, сколько *проблема* задает ракурс видения предмета исследования через стереоскопические очки различных отраслей знания, утверждает Н.М. Смирнова. *Проблема* выступает центром кристаллизации междисциплинарных ресурсов и каждый раз задает свой тип интеграции. Человек, сформулировав проблему, выступает субъектом такой интеграции, и никакая «внутренняя логика развития науки» за него этого сделать не может»³⁹.

В качестве средства понимания международных отношений междуна-родник создает соответствующие *конструкты*, используя разработанные наукой *понятия, теории*.

Учитывая эти особенности современного философского знания, было организовано преподавание теории МО на факультете международных отношений Уральского государственного университета. Курсу предшествовало философское введение, в котором рассматривалось состояние современного философского знания⁴⁰.

Ответы на большую часть выше поставленных вопросов о значении философского знания для науки о международных отношениях следует искать в области общего состояния мировоззренческой культуры российского общества, глубоко травмированного в течение двух третей минувшего столетия российской версией догматического марксизма. «Русская мысль виновата перед Россией: не снабдила ее самопознанием... именно Сократовым «познай самого себя», - пишет Георгий Гачев⁴¹. Другой современный русский философ Евгений Барабанов критически оценил возможность отечественной общественной мысли к извлечению уроков из прошлого. На смену «партийности философии как критерия ее научности» пришли «русская идея», «соборность», «русский космизм» и «национально-религиозное возрождение» – элементы будто бы новой «мировоззренческой революции». Никаких следов самосознания, удивления, попыток осмыслить себя в ситуации разрыва, фантомности, поражения, отравленности, вины. Опять – никакого интереса, никакой воли к философскому прояснению самой ситуации «здесь-и-сейчас»⁴². Не утратили своей значимости для российского общественного сознания сло-

³⁷ Там же. С. 19.

³⁸ Там же. С. 29.

³⁹ Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 21.

⁴⁰ Михайленко В.И. Теория международных отношений. Ч.1. Философское введение. Учебное пособие. Екатеринбург, 1998 (2-е изд. вышло в 2000 г.).

⁴¹ Гачев Г. Национальный мир и национальный ум // Путь. 1994. № 6. С.133.

⁴² Барабанов Е. Философия снизу // Путь. 1994. № 6. С. 6-7.

ва Фихте, которые можно сформулировать как главную философскую задачу современности: «Понимать само себя может лишь свободное сознание»⁴³.

Политология международных отношений. В обширном потоке исследований, находящихся в области философии политики, современных политических теорий, теорий международных отношений находится не столь уж большое количество значимых работ и авторов, исследовательских центров. Например, профессор МГИМО Т.А. Алексеева обращает внимание на типичные издержки некоторых отечественных учебных пособий, авторы которых считают, что держат в руках искомый «философский камень». «Некое единое, систематизированное знание, нередко предлагаемое в отечественных политологических курсах, хорошо маскирует несостыковки и напряженности между различными исследовательскими стратегиями, тем самым формируя некий новый догматический Катехизис»⁴⁴.

Учебное пособие самой Т.А.Алексеевой «Современные политические теории» дает представление о наиболее важных направлениях развития политической мысли на Западе в XX веке, представляет научные школы. В качестве одной из основных задач, поставленных в работе, Т.А. Алексеева видит в том, чтобы показать различие в методологии политических подходов, многовариантность представлений о целях и природе самого предмета политической теории. «...К одному и тому же вопросу или проблеме можно подойти с разных сторон в зависимости от того, придерживается ли исследователь институционального, статистического, теоретического, структурно-функционального, психологического, семиотического или герменевтического методов, каждый из которых дает собственный образ мира политического»⁴⁵. Представляет интерес посылка автора о том, что «многие постулаты, хорошо работающие на Западе, оказываются бесполезными или даже вредными в наших условиях». «И, наоборот, отечественный опыт не всегда адекватен нынешнему уровню развития. Иными словами, необходимо переосмысление и переоценка многого привычного и стереотипного»⁴⁶.

По поводу политологии как самостоятельной целостной научной дисциплины, ее статуса существуют две противоположные точки зрения. Сторонники одной считают ее совокупностью субдисциплин других наук (социологии, правоведения, психологии и т.п.), объединенных лишь предметом исследования. Сторонники другой рассматривают как самостоятельную целостную научную дисциплину. Наличие альтернативных точек зрения объясняется объективными причинами — специфическими особенностями политики и прежде всего ее комплексной природой. Ее адекватное отображение, считает М.А. Хрусталева, возможно только на основе междисциплинарного синтеза (политологического синтеза)⁴⁷.

⁴³ Цит. по: Булгаков С.Н.. Сочинения: В 2-х тт. М., 1993. Т.1. С.209.

⁴⁴ Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2000. С.6.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С.34.

В этом ряду находятся публикации на русском языке книг известных зарубежных специалистов Ф. Аттина, Дж. Айкенберри, В. Парси и др.⁴⁸. Итальянский политолог Ф. Аттина исследует влияние глобализации на международные процессы и на институты международных отношений. Значительная часть работы посвящена анализу современных научных подходов в изучении международных процессов.

Первый отечественный учебник «Мировая политика» был подготовлен профессором МГИМО М.М. Лебедевой⁴⁹. В нем рассматриваются изменения политической структуры современно мира, его глобализация и регионализация, изменения систем международных отношений, особенности регулирования мировых политических процессов. Изменения в мировом сообществе, связанные с новыми информационными технологиями, рассматриваются в учебном пособии в гл.14 «Образование как фактор в мировой политике».

Понятие «мировой политики» определяется Н.А. Косолаповым как «особая сфера силовой по преимуществу борьбы за установление и/или изменение фактических норм, процедур и правил, по которым осуществляются на практике международные отношения каждой конкретной эпохи»⁵⁰. Международные отношения как явление возникают из триединого процесса взаимодействия международной жизни, политики и ведущих для своего времени субъектов политики⁵¹.

Современное исследование международных отношений невозможно представить без взаимодействия с другими науками. Например, М.М. Лебедева откликнулась статьей о мировой политике как самостоятельной научной дисциплине, ее предметном поле и отношениях с политологией и международными отношениями⁵². По ее мнению, *системный* подход к анализу международных отношений явился основой (общность подходов и методов анализа), объединившей в 90-е гг. XX в. российских политологов и международныхников. Позже стали сближаться позиции *мирополитиков* и *международников*, поскольку становилось ясно, что без анализа политической системы мира невозможно объяснить внешнюю политику и другие явления международной жизни. Более того, по мнению М. Лебедевой, именно международники-неореалисты первыми наиболее серьезно начали анализировать политическую структуру мира, ограничив ее межгосударственным взаимодействием (другого не было). В дальнейшем именно неолибералы – прежде всего Р. Кохейн, Дж. Най, Дж. Розенау, Дж. Бертон – стали активно продвигать идею множественности акторов на мировой арене. Они показали, что активный

⁴⁸ Аттина Ф. Глобальная политическая система. Введение в международные отношения: Учеб. пособие. Екатеринбург, 2002; От биполярной системы к эпохе глобализации: Учебное пособие по международным отношениям/ Под ред. Дж. Дж. Айкенберри и В.Э. Парси. Новосибирск, 2003.

⁴⁹ Лебедева М.М. Мировая политика: Учебник для вузов. М., 2003.

⁵⁰ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. С.41.

⁵¹ Там же. С.45.

⁵² Лебедева М. Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. 2004. № 2.

выход на мировую арену в последней четверти XX в. новых (нетрадиционных) субъектов (транснациональных акторов, ТНА), таких, как ТНК, НПО, внутригосударственные регионы и т.п. привел к качественным изменениям политической структуры мира. Иными словами, мировая политика действительно «вырастает» из международных отношений. Ее становление приходится примерно на 1970-е гг. – период активизации ТНА, в том числе и национально-освободительных движений. Авторы стали активно использовать новую терминологию – «мировая политика (*world politics*)», «глобальная политика (*global politics*)», «транснациональная политика (*transnational politics*)»⁵³.

В результате *мирополитическая* традиция стала во многом ассоциироваться именно с неолиберальным подходом, к тому же нередко накладываться на политические и идеологические ценности и установки неолиберализма в его варианте до 1990-х годов. Самым сложным в изучении мировой политики стало не признание наличия новых и множественных акторов, а их взаимодействия, которое осложняется отсутствием некоего «общего знаменателя». Таковым в классической Вестфальской системе выступал национальный суверенитет. Были предприняты поиски «общего знаменателя» в направлении *вестернизации*. И здесь мирополитические исследования фактически смыкаются с изучением проблем глобализации. Так, для Т. Фридмана таким «общим знаменателем» выступили западные модели поведения, связанные с обыденной жизнью, характерные практически для всех стран («Макдоналдс», Интернет, связь по сотовым телефонам и т.п.), а для Ф. Фукуямы – это прежде всего ценности западной демократии⁵⁴. Однако эти критерии многими не разделяются в научном сообществе.

Среди параметров исследования мировых политических акторов М. Лебедева предлагает рассматривать их *ресурсы*, преследуемые ими *цели*, различие по *временным параметрам*, особенности *внутренней структурной организации*, например, *иерархический* и *сетевой* принципы. В отличие от классических эпох действия современных участников мировых процессов влекут за собой целую цепь последствий, просчитать конечный итог которых практически невозможно. Сами же акторы на мировой арене не просто разнородны, но разнородны по многим параметрам, подвержены внутренним изменениям, вступают во множество отношений и типов взаимодействий, наконец, влияют друг на друга. Все это делает процессы на мировой арене не только сложнопрогнозируемыми или просчитываемыми, но иногда и с трудом отслеживаемыми. Анализ акторов мировой политики и их взаимодействия – проблема не только научная, но и практическая. Речь идет, по сути, о разработке принципов «глобального управления», под которым понимается не некое «мировое правительство», а создание своего рода «правил игры», которые бы учитывали интересы и возможности различных акторов. Дж. Розенау и Е.-О. Сземпил сформулировали это как «управление без правительства».

⁵³ Там же. С. 101.

⁵⁴ Там же. С. 102.

Таким образом, очерчивая предметную область мировой политики, можно сказать, что она занимается анализом политической системы мира (с ее «внутренними» и «внешними» политиками), а также прогнозом тенденций ее дальнейшего развития. Как следствие важным моментом мировой политики является ее направленность на анализ современных политических вопросов и проблем, ожидаемых в будущем. А одним из центральных ее методов оказывается политологический анализ. По мнению М. Лебедевой, весь комплекс политических процессов на мировой арене лучше описывается термином «мировая политика». А за предметной областью «международных отношений» было бы целесообразным сохранить двусторонние и многосторонние межгосударственные отношения⁵⁵.

Социология международных отношений. П.А. Цыганкова одним из первых ознакомил отечественных читателей с международными социологическими школами⁵⁶. По его мнению, «...представители социологического направления в исследовании международных отношений подчеркивают значимость в мировой политике не столько национальных интересов, сколько ценностей, норм, идентичностей, культурных особенностей, традиций и идей. В результате все основные вопросы МО (характер международной среды, перспективы ее изменения, основные процессы, их участники, возникающие между ними проблемы, пути их разрешения), как и наиболее распространенные теории (национального интереса, безопасности, баланса сил, сотрудничества, демократического мира) получают трактовки, альтернативные тем, которые господствовали в международно-политической науке на протяжении многих десятилетий»⁵⁷.

Геополитика. Особняком в отечественной историографии выделяются работы, написанные в русле геополитики. В современной России все более заметное место в оценке международных отношений и обосновании внешней политики занимают геополитические подходы. Причем геополитика, понимаемая как непротиворечивое фундаментальное знание, все более занимает то место, которое в течение советского периода принадлежало материалистическому детерминизму. М. Лебедева обоснованно полагает, что геополитика берет свои истоки в советском периоде, во-первых, потому, что она тесно связана с реализмом, исходит из постулата, что географическое положение государства является фактически ключевым национальным интересом; во-вторых, в ней присутствует элемент верований, который сближает ее с марксизмом-ленинизмом⁵⁸.

Однако, если анализировать с точки зрения философии политики геополитические подходы З. Бжезинского (к примеру его недавнюю книгу «Великая шахматная доска») и современных российских традиционалистов А. Дугина, Э. Позднякова, то между этими, казалось бы, разными авторами,

⁵⁵ Там же. С.103-104.

⁵⁶ Международные отношения: социологические подходы/ Рук. авт. колл. проф. П.А. Цыганков. М., 1998.

⁵⁷ Цыганков П.А. Теория международных отношений. С. 156-157.

⁵⁸ Лебедева М. Предметное поле и предметные поля мировой политики. С.99.

прослеживается общность в метафизическом отношении к познавательным возможностям геополитики как непротиворечивой и абсолютной науки о международных отношениях, опирающейся на теоретическое наследие германской и англосаксонской геополитики начала XX века⁵⁹. Согласно теории *хартленда* Россия наделялась особой геополитической ролью. В соответствии с этой теорией глобальная система состоит из трех концентрических кругов – хартленда (континентальное пространство Евразии, ее сердцевина), внутреннего полумесяца (приморские территории Евразии) и внешнего полумесяца (Америка, Африка, острова Тихого океана, включая Японию, Великобританию). Даже после распада СССР современная Россия занимает основную часть хартленда, или географической оси истории, контроль над которой означает, согласно британскому геополитику Х. Макиндеру, контроль за всем мировым пространством⁶⁰. Как пишет В.А. Колосов, «некритическое восприятие теории хартленда, которая опровергается многими современными специалистами как несоответствующая постоянно меняющимся реалиям мировой политики, привело к появлению ряда штампов в российской геополитике»⁶¹. «Развивая идеи классиков евразийства, российские неоевразийцы говорят уже не о русском православном доминировании как объединяющем начале Евразии, а о равноправных славяно-тюркском и православно-мусульманском союзах, усиливая тем самым азиатскую компоненту в евразийском пространстве»⁶².

Сегодня основными апологетами геополитики в России являются военные исследователи. Например, И.Н. Панарин приходит к выводу о том, что «история геополитики свидетельствует и о необходимости создания мощного **ЕВРАЗИЙСКОГО КОНТИНЕНТАЛЬНОГО БЛОКА**»⁶³.

В.А. Колосов отмечает, что с точки зрения современной геополитики построения отечественных неоевразийцев левого и националистического толка выглядят архаичными. В них чрезмерно акцентированы силовой фактор международных отношений и влияние природного фактора, недоучитывается многополюсность современного мира (ведущей державой и главным врагом обычно считаются США), не анализируется мировая экономика как фундаментальный контекст политических процессов. Их построения откровенно опираются на догмы и представления традиционной геополитики 20-30-х гг. XX века, в основе которой лежит абсолютизация роли физического пространства и ресурсного фактора, военной мощи и прямого контроля над территориями. Складывается впечатление, что неоевразийцы не принимают во

⁵⁹ Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997; Поздняков Э.А. Философия политики. Т.1-2. М., 1994; Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998.

⁶⁰ Геополитическое положение России: представления и реальность/ под ред. В.А. Колосова. М., 2000. С.22.

⁶¹ Там же. С.22.

⁶² Там же. С.26

⁶³ Панарин И.Н. Информационная война и дипломатия. М., 2004. С.145.

внимание такие факторы, как развитие научно-технического и интеллектуального потенциала страны, открытую «информационную» экономику⁶⁴.

В.А. Колосов обращает также внимание на недостатки западнической геополитической школы, которая, по его мнению, нашла выражение в геостратегии Э. Шеварнадзе и т.н. «доктрине Козырева», реализация которых привела к почти полной потере страной экономических и политических позиций в ряде регионов⁶⁵. Обстоятельный анализ международных и внешнеполитических воззрений российских либералов представлен в статье П.А. Цыганкова и А.П. Цыганкова⁶⁶. Авторы выделяют несколько направлений в российском либерализме – модернизаторов, институционалистов, национал-демократов – и делают вывод о том, что большие перспективы имеют российские либералы, придерживающиеся представлений о «вариативности мирового развития, не отрицающие его под предлогом наступившего торжества западной рыночной демократии»⁶⁷.

Вышеуказанным моделям В.А. Колосов противопоставляет «менее радикальные, более научные, объективные, сбалансированные» геополитические модели. К таковым он относит геополитическую концепцию В. Цымбурского, который констатирует неудачу 300-летнего российского «напора» на Европу и предлагает сосредоточиться на освоении существующей территории⁶⁸. По мнению В.А. Колосова в последнее время в России сформировалась умеренно-консервативная *консенсусная* геополитическая модель. Ее цель – укрепление российской государственности и позиций страны в мире, избегая крайностей русского национализма, неоевразийства и западничества⁶⁹.

По-существу, выше цитируемая книга и ее авторы отражают имеющую место в российской историографии позицию «прагматичной» геополитики как области научного знания о мировой политике, системах международных отношений и национальной безопасности. Например, Ю.В. Тихонравов определяет как «направление, изучающее взаимозависимость внешней политики государств, международных отношений и системы политических, экономических, экологических, военно-стратегических и иных взаимосвязей, обусловленных географическим положением страны (региона) и другими физико- и экономико-географическими факторами»⁷⁰.

По мнению Ю.В. Тихомирова, геополитика занимает особое место в науке и, отличается, например, от исторической антропологии тем, что на ее долю выпадают все сферы исторической случайности. Она объясняет исторический процесс, полностью исключая из него факторы духа. «Если же человеческий дух и рассматривается в геополитике, то только как объект, опре-

⁶⁴ Геополитическое положение России: представления и реальность. С.29-30.

⁶⁵ Там же. С.32-33.

⁶⁶ Цыганков П.А., Цыганков А.П. Между западничеством и национализмом: российский либерализм и международные отношения // Вопросы философии. 2005. № 1. С.3-18.

⁶⁷ Там же. С.16.

⁶⁸ Геополитическое положение России: представления и реальность. С.35.

⁶⁹ Там же. С.36.

⁷⁰ Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учебное пособие. М., 1998. С.22.

деляемый внешними обстоятельствами, прежде всего географической средой... Геополитика, таким образом, стремится стать позитивной и естественнонаучной основой осмысления исторического процесса»⁷¹. Научная принадлежность геополитики связана с возникновением и развитием западной политической географии. Если в конце 70-х и начале 80-х гг. XX в. методология геополитики опиралась на бихевиористские и экзистенциалистские концепции, то в последние годы чаще используются методы многомерной статистики при конструировании «показателей мощи», поиск закономерных соотношений между потоками в пространстве, геополитическое картирование, изучение изменения центров проекции⁷².

На карте мира обозначились контуры нескольких геоэкономических пространств, характеризующихся специфическими структурообразующими формами деятельности, служащими закладкой всей прочей хозяйственной активности того или иного региона.

Выводы. При рассмотрении общих тенденций в отечественной науке о международных отношениях складывается впечатление, что в ней существует водораздел между теми, *кто* жестко детерминирует (с материалистических или идеалистических позиций) генезис международных отношений и теми, *кто* подходит к анализу международных отношений с релятивистских позиций, не абсолютизирует тот или иной метод и методологию, дистанцирует научное знание от идеологии, понимает относительность используемых методов научного познания, без предвзятости относится к использованию старых и новых технологий и методов познания, находится в курсе современных тенденций в области научного познания.

В связи с вышесказанным необходимо признать важной миссию, которую выполняют исследования и публикации, дающие представление об эволюции теории международных отношений, о методологии и методах исследования международных отношений. Тем более, что самостоятельная наука о международных отношениях стала складываться сравнительно недавно в период между первой и второй мировыми войнами⁷³.

Методология и методы научного исследования международных отношений. Основательные изменения, которым подверглась система международных отношений и ее составляющие субъекты международных отношений, в свою очередь требуют использования иного методологического инструментария для понимания международных процессов. Например, итальянский исследователь Ф. Аттина отмечает, что определенному переосмыслению было подвержено «юридическое знание, которое, конечно, имеет определенную ценность, как любое предписание, но не дает точных объяснений того, как в действительности могут развиваться события»⁷⁴. «Необходимы дополнительные знания, которые позволят снизить порог ошибочности объяснений и прогнозов относительно соблюдения международного права и пра-

⁷¹ Там же. С.23 -24.

⁷² Там же. С. 32.

⁷³ Аттина Ф. Глобальная политическая система. С.22-23.

⁷⁴ Там же. С. 21.

вил с стороны одного или нескольких субъектов международной политики»⁷⁵. Ф. Аттина считает, что также историческое знание является недостаточным для того, чтобы «снизить порог вероятности ошибки». «Но можно ли признать правоту тех, кто считает, что корни будущего поведения заложены в прошлом?»⁷⁶

Опубликованная в 2001 г. историческим факультетом МГУ коллективная монография «Введение в теорию международных отношений», напротив, настаивает на незыблемости принципа историзма как основополагающей теории и метода научного исследования международных отношений⁷⁷. Авторы ограничиваются однозначным утверждением, что «принцип историзма неизбежно становится фундаментом, на котором должны покоиться все построения теоретиков-международников»⁷⁸. «Только в этом случае они могут претендовать на научность, ибо все попытки вывести закономерности развития любой общественной системы в отрыве от конкретно-исторического времени лишены практического смысла»⁷⁹. «...Принцип историзма – методологический фундамент этой дисциплины»⁸⁰. Авторы отмечают междисциплинарную сущность теории международных отношений, которая активно использует приемы и методы, почерпнутые из исторических, политологических, правовых, философских, экономических исследований, а в последнюю четверть века и методы моделирования, широко применяемые при так называемом «ситуационном анализе» и при изучении конфликтов»⁸¹. Из предшествующего вывода, очевидно, следует, что авторы привлекают к междисциплинарному анализу только методы, базирующиеся на принципах исторического детерминизма.

В качестве предмета теории международных отношений (ТМО) определяется «вся совокупность отношений, возникающих в ходе многомерных контактов основных субъектов или, как их иногда называют, «акторов» на международной арене»⁸². По мнению авторов, научные споры в ТМО сконцентрированы вокруг того, какие субъекты международных отношений подводятся под понятие «акторы». Авторы пособия категорично настаивают на том, что «главными действующим лицом и одновременно основным элементом международных отношений является национальное государство (*nation state*)». «Именно оно, а не наднациональные организации или различные союзы, какие-то элиты или что-то иное»⁸³. В рамках избранного принципа историзма авторы рассматривают динамику системы международных отношений,

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 22.

⁷⁷ Введение в теорию международных отношений: Учебное пособие / Отв. ред. А.С. Маныкин. М., 2001

⁷⁸ Там же. С. 7.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. С. 7-8.

⁸² Там же. С. 6.

⁸³ Там же.

эволюцию ее «элементов» и «отношений» во «времени» и «пространстве»⁸⁴. Реконструкция модели взаимодействия основных факторов, действующих в сфере международных отношений, осуществлена на примере биполярной системы.

На первый взгляд может показаться, что авторы гипертрофируют значение избранного ими метода научного исследования. В действительности это не так. По-существу, в работе речь идет о выведении некоего, по Максус Веберу, «идеального типа», т.е. типологизации явления, которое в работе проходит под понятием «системность в международных отношениях». Как любой выведенный исследователями идеальный тип, «система» имеет типологизированные общие признаки и особенности. «Анализ функционирования биплярной системы позволяет предположить, что на ключевых отрезках ее истории всякий раз возникал свой специфический вариант взаимодействия системообразующих и системоразрушающих факторов, детерминированный соотношением интересов сверхдержав на этом этапе. Иными словами, даже в рамках одной модели системы международных отношений возможно множество комбинаций подобных взаимодействий»⁸⁵.

Важный вклад в распространение теории и методологии исследования международных процессов вносит Методологический институт международных отношений (МИМО), которым в последние годы руководит декан МГИМО А.Д. Богатуров. Сегодня МИМО фактически превратился во всероссийский сетевой проект, включающий Научно-образовательный форум по международным отношениям, летние и зимние школы для молодых преподавателей, издание учебно-методических комплексов.

В рамках проекта осуществлено издание книги «Очерки теории и политического анализа международных отношений», авторами которой являются А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталева⁸⁶. Один из авторов книги М.А. Хрусталева прослеживает процесс возникновения, формирования и «смерти» научных парадигм, их превращение в научные теории, демонстрирует широкий спектр методов исследований и их использование в научной работе. Прежде всего, он выделяет *общенаучные* и *частнонаучные* теории. И если первые выполняют интегративные функции в рамках науки в целом или одной из ее сфер (например, математика или философия), то вторые делают это в определенной предметной области и, как таковые, представляют собой *предметные теории* (например, политические теории).

По его мнению «философия», выполняющая интегративную функцию в сфере гуманитарных наук, обобщает в синкретической форме качественную сторону явлений, что оказывается недостаточным в условиях нарастания предметной дифференциации. Как следствие, произошло выделение отдельных аспектов «качества», исследование которых и стало функцией общенаучных теорий. Появлению каждой общенаучной теории (группы теорий)

⁸⁴ Там же. С.8.

⁸⁵ Там же. С.9.

⁸⁶ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002.

предшествовало формулирование соответствующей общенаучной парадигмы, то есть концепции исследования некоего общего свойства. Она определяла не только направление научного поиска, но и формировала определенный *стиль научного мышления*. Став доминирующим, он оказывал существенное влияние на формирование и развитие *частнонаучных* теорий до тех пор, пока не возникала новая парадигма, которая оттесняла предшествующую на периферию научного поиска. Вместе с тем, эта последняя, хотя и переставала быть доминирующей, оставалась на вооружении науки и продолжала развиваться. Таким образом, обеспечивается многосторонний прирост теоретического знания, которое пополняется и *частнонаучными* теориями, каждая из которых в ходе своего развития также переживает процесс смены специфических (предметных) парадигм. Именно они детерминируют степень включенности общенаучных теорий в предметную область. Зачастую она является чисто формальной, что означает перекодировку, то есть замену одних терминов другими⁸⁷.

По мнению М.А. Хрусталева, начиная с конца XVII в. последовательно сменяют друг друга следующие *общенаучные парадигмы*: *механистическая* — *энергетическая* — *информационная* — *организационная*. Обе последние получили четкое оформление в соответствующих общенаучных теориях — кибернетике и общей теории систем. Если организационная лишь вступает в стадию совершенствования, то три другие перешли к ней значительно раньше, что нашло свое выражение в их диверсификации, то есть формирования на основе каждой из них не одной, а нескольких общенаучных теорий. Так, в частности, в зарубежной науке наряду с ортодоксальным марксизмом появились структурный, культурный и гуманистический марксизм, а также так называемая критическая теория. Само собой разумеется, что все эти неомарксистские теории формировались под достаточно сильным влиянием и других парадигм.

Методологическое влияние общенаучных теорий на исследования в предметных областях проявляются в различной степени. Оно может быть глубоко формальным, а следовательно, минимальным, или, наоборот, значительным. Этот последний вариант реализуется только при наличии достаточно развитой частнонаучной теории. В свою очередь, она появляется тогда, когда накопление научных знаний в данной конкретной области достигает такого рубежа, который позволяет осуществить их теоретическое обобщение, то есть сформулировать целостную частнонаучную теорию. Однако происходит это отнюдь не автоматически.

Если в силу тех или иных причин создать частнонаучную теорию не удастся, то начинается процесс дивергенции, то есть дробление предметной области на сегменты, в каждом из которых начинается формирование своего рода *субтеорий*. Предметная область дробится на слабосвязанные между собой части и, как следствие, теряется общее представление о предмете исследования.

По мнению М.А. Хрусталева, формирование частнонаучных теорий может проходить на двух различных уровнях: *внутридисциплинарном* и *междис-*

⁸⁷ Там же. С.8-9.

циплинарном. В первом случае нет сколько-нибудь серьезных заимствований из других предметных областей и наоборот. Например, политология, как частнонаучная теория, занимает вполне определенное место в системе знаний о политике. В рамках известной трихотомии: всеобщее — особенное — единичное, она представляет «особенное», являясь своего рода мостом между «всеобщим» (политической философией) и «единичным» (политической историей). Превращение политологии в прикладную частнонаучную теорию происходит сложно, в русле той научной революции, которую переживает сейчас обществоведение⁸⁸.

Непрерывное усложнение политических реалий и резкое возрастание цены политической ошибки заставили политических практиков по-новому взглянуть на роль науки. Ставка на эмпирический политический анализ, пусть и проводимый профессионалами, стала все чаще давать серьезные сбои. Теперь в разработке ответственных политических решений зачастую принимает участие значительное число научно-исследовательских учреждений. Научное обоснование подобного рода решений постепенно становится правилом, а не исключением, как это было еще в недавнем прошлом. При этом, естественно, возрастает и значимость нормативного политического анализа. Соответственно, повышаются требования и к политическим наукам в плане строгости и операциональности. Последние достигаются путем *системологизированности* понятийного аппарата. Степень системологизации понятийного аппарата политологии пока еще остается недостаточной, констатирует М.А. Хрусталеv. Отсутствуют строгие дефиниции ряда ключевых понятий и их четкая декомпозиция. Не составляет исключения и такое основополагающее понятие как «политика». Нет особой необходимости доказывать, что без адекватного представления о его содержании трудно говорить о теоретической строгости⁸⁹.

М.А. Хрусталеv считает, что социальный порядок в государственно-организованном обществе и в мировом сообществе имеют общую фундаментальную основу, однако присущая каждому из них специфика и, прежде всего, в субпорядке распределения власти привела к подразделению политологии на две субдисциплины: *теорию международных отношений* и так называемую *сравнительную политологию (теорию внутренней политики)*⁹⁰

Значительная часть опубликованных в 90-е гг. в России учебных пособий и монографий принадлежат к области сравнительной политологии, которая только начала формироваться, как правило, на базе бывших кафедр научного коммунизма.

К числу работ по сравнительной политологии принадлежит одно из первых учебных пособий «Политическая наука», изданное К.С. Гаджиевым в 1994 г., хрестоматия «Современная сравнительная политология»⁹¹. Эти и другие работы по сравнительной политологии внесли важный вклад в ознакомление отечественных исследователей с достижениями западных политиче-

⁸⁸ Там же. С.10-11.

⁸⁹ Там же. С.11-12.

⁹⁰ Там же. С. 26.

⁹¹ Гаджиев К.С. Политическая наука: Пособие для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов. М., 1994; Современная сравнительная политология / Научн. ред. Г.В. Голосов, Л.А. Галкина. М., 1997; Гобозов И.А. Философия политики. М., 1998.

ских наук, в определение предмета науки и разработки научного аппарата, использование способов интерпретации политики. Можно констатировать, что процесс ознакомления российских специалистов с основными достижениями западных политических наук завершился и происходит самоопределение отечественных политологов в области политических наук.

Наибольшие сдвиги в отечественных политических науках произошли в области использования научного понятийного аппарата и внедрения методов политических исследований. М.А. Хрусталеv считает, что под *методом* принято понимать некий *образ действий*, который обладает определенной степенью общности и универсальности. Прежде, чем использовать метод научного исследования, важно определить *объект (предмет)* и *цели* исследования, то есть формулирование его замысла. Это — исходная стадия всякого исследования, за которой следует стадия получения исходной информации, а затем — стадия ее изучения⁹².

Поскольку *получение* и *изучение* являются принципиально различными действиями, соответственно различными являются и методы, используемые при реализации научного акта. Определение объекта (предмета) исследования позволяет начать сбор информации о нем (исходной информации), которая может быть первичной или вторичной. Первая представляет собой совокупность фактов, упорядоченную чисто внешне, пространственно-хронологически. Ее описание квалифицируется как фактографическое. К категории вторичного относится информация, уже подвергшаяся изучению и, как следствие, обладающая логической упорядоченностью. Она может быть фактологической, аналитической, прогностической и операциональной, то есть содержащей рекомендации практического или научного характера.

Различие первичной и вторичной информации предопределяет подразделение методов получения на первичные (наблюдение и эксперимент) и вторичные (опрос и ознакомление с текстами). Как те, так и другие являются общенаучными, но каждая научная дисциплина «выбирает» для себя наиболее эффективные и тем самым формирует свой *частнонаучный метод*. Если он тождественен одному из общенаучных, то его можно квалифицировать как *унитарный*. В противном случае он является *комбинированным*, где один из общенаучных методов, как правило, играет роль основного, а другие выступают как вспомогательные⁹³.

Описание определенного способа или приема (методов), включающая процедуру их использования принято называть *методикой*. Научно-исследовательский процесс осуществляется с помощью сочетаний *логики* и *интуиции*. М.А. Хрусталеv выделяет три общенаучных *исследовательских метода*: *логико-интуитивный*, *моделирования* и *исчисления*. Традиционный *логико-интуитивный метод* — преобладание логики при сохранении немалого значения интуиции. *Логико-интуитивный метод* — это непосредственное изучение исследуемого предмета или объекта на основе индивидуальных творческих способно-

⁹² Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. С.26.

⁹³ Там же. С.27.

стей. Его применение есть сугубо персональное искусство. Создание научных коллективов в этом плане ничего не меняет по существу. Если логику можно понять и повторить, по крайней мере, в принципе, то интуицию — нет.

Метод *моделирования* — полное преобладание логики при минимизации значения интуиции. Метод *исчислений* — полное преобладание символической (математической логики) при минимизации других видов логики и интуиции.

Метод *моделирования* предполагает опосредованное изучение исследуемого предмета или объекта с помощью модели — четко фиксированной строгой логической конструкции, выход за пределы которой исключен.

Исследовательский метод «работает» на стадии *изучения*, которая включает три этапа: *отбор*, *обработка* и *осмысление* полученной информации. Под *систематизацией* в данном случае имеется в виду упорядочение исходной информации с целью выделения релевантной, то есть относящейся к исследуемому объекту, и отбраковки нерелевантной. В ходе *фильтрации* релевантная информация подразделяется на необходимую и избыточную. К этой последней относятся повторная фактология, различного рода компиляции и т.п. Избыточная информация исключается из процесса исследования, а верификации подвергается только необходимая. Ее целью является отбраковка ложной и проверка сомнительной информации. При *верификации* преобладает способ *сравнения*⁹⁴.

Общее число методик обработки информации или информационно-аналитических методик весьма велико, особенно с учетом вариативности некоторых из них. В этом отношении выделяется *контент-анализ*, который имеет не один десяток вариантов.

Все информационно-аналитические методики «распределяются» по *исследовательским методам*, хотя далеко не в равной пропорции. *Агрегативные логико-лингвистические* относятся к *логико-интуитивному методу*, *экстрагративные математические* — к *методу исчислений*. Все остальные принадлежат к *методу моделирования*. Данное «распределение» не следует возводить в абсолют, так как могут применяться разного рода гибридные варианты и комбинации. Применение *логографических*, а тем более, *математических* методик реально значимо только тогда, когда полученные при этом результаты могут быть преобразованы обратно в первичную вербальную форму, то есть интерпретированы.

Понятие *интерпретация* имманентно содержит в себе представление о наличии некоторой неопределенности, обуславливающей многозначность понимания, а следовательно, вариативность обратного преобразования (вербального описания). Соответственно, сама интерпретация — это выбор одного из вариантов, который на том или ином основании считается наиболее адекватным. Интерпретационный спектр бывает достаточно широким: от полной определенности до широкой многозначности, которая требует глубокого осмысления⁹⁵.

Переходя к заключительному, третьему этапу изучения — *осмысления* — следует заметить, что под *осмыслением* принято понимать выявление отображенных в содержании информации сущностных свойств изучаемого

⁹⁴ Там же. С. С.28-29.

⁹⁵ Там же. С.31.

объекта или предмета. Их знание обеспечивает формирование адекватного представления о нем, то есть его *понимание*.

В науке *понимание* имеет теоретическую основу, которая и образует определенный *исследовательский подход*. Он включает две составляющие: *общенаучную* и *частнонаучную* (предметную). В зависимости от их соотношения можно выделить два класса *подходов*: *субстанциональные* и *изоморфные*. В первом случае (*субстанциональные*) преобладает частнонаучная теория, а в рамках *изоморфных* подходов имеет место эффект замещения соответствующей предметной теории другой и даже другими, связанными с генезисом данной общенаучной парадигмы. Принцип изоморфизма предполагает возможность замещения одного теоретического знания другим на основе логического подобия закономерностей. Особую роль при этом играет математика, а, следовательно, и *метод исчислений*. В настоящее время прослеживается переход инициативы к *субстанциональным подходам*, прежде всего к системному.

Совокупность исследовательских методов и подходов образует *методологию* соответствующей научной дисциплины. Наличие в ее составе многих разнородных и, в частности, изоморфных исследовательских подходов является несомненным симптомом того, что ее становление еще не завершено. Об этом же свидетельствует и отсутствие доминирующего исследовательского метода, что характерно для современного состояния политологии. Зоной действия методологии является в принципе только стадия осмысления, но иногда под влиянием субъективных предпочтений исследователя она распространяется даже на стадию отбора и, в частности, на фазу фильтрации.

В рамках этапа *осмысления* можно в первом приближении выделить *три фазы*: *индуктивную*, *дедуктивную* и *креативную*. В ходе *первой, индуктивной фазы* формулируется исходная *концепция (гипотеза)* с помощью понятийного аппарата определенного исследовательского подхода. Выбор же методологии, а следовательно, и исследовательского подхода происходит еще до начала исследования и, как правило, предопределяется профильной специализацией исследователя (исследователей). На *следующей, дедуктивной фазе* происходит преобразование исходной концепции в развернутую. При этом проявляется различие между чисто теоретическим (политологическим) и прикладным (политическим) исследованием. В политологическом осуществляется детализация и уточнение исходной концепции, а в политическом еще и операционализация. Необходимость детализации и уточнения вытекает из самой природы исходной концепции, которая всегда слишком лапидарна и в этом плане представляет собой слишком грубый аналитический инструмент. От того, насколько успешными будут детализация и уточнение непосредственно зависит эффективность операционализации. В рамках *заключительной, креативной фазы* имеет место «наложение» развернутой концепции на изучаемую информацию. В результате происходит устранение той неопределенности, которая существовала до начала исследования, что и означает появление нового знания.